

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ЧЕСТЬ ИМЕЮ ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Газета Городского центра детского
(юношеского) технического творчества
и Кадетской школы-интерната № 9 г. Омска

«Я НЕ ГЕРОЙСТВОВАЛА, А ЖИЛА...»

Мне давно уже хотелось рассказать кому-то о своей бабушке, но только я не знал, как это сделать. И я решился написать в канун 65-летия Победы. Мой прадедущка, Михаил Михайлович Линсберг, был солдатом Великой Отечественной. Он не вернулся с войны, и я всегда с интересом слушаю бабушку, когда она вспоминает своё детство и родителей. Мне кажется это очень интересным и важным. Бабушка, Галина Михайловна Линсберг, родилась в 1932 году в Ленинграде, всю блокаду она была там.

Бабушка очень редко вспоминает о блокаде, не любит смотреть фильмы о войне, да и рассказывает не очень охотно. Но то, что она рассказывала, запомнилось мне навсегда. Думаю, что смогу потом рассказать об этом своим будущим детям, это ведь история моей семьи. Я записал бабушкины воспоминания, не переделывая их, потому что лучше, чем она, рассказать не смогу. Это была её война, её блокада, и это её воспоминания.

*На фотографии моя бабушка -
последняя справа в нижнем ряду.*

«Я родилась на Петроградской стороне, но ту квартиру совсем не помню, помню квартиру на 6-й Красноармейской. Там жили мы и семья тёти Оли, папиной сестры. Папу я помню от дома был сосновый лесок, а по каким-то отдельным эпизодам, цельного образа у меня нет. Помню, как ходили вдвоём на футбол, как он учил меня играть в шахматы, как мы были на ёлке на его работе. Тогда мне не понравилась игрушка, которая досталась в подарок от Деда Мороза, и папа тут же её поменял. Ещё помню, как он врывался в квартиру, и всё вдруг оживало. Он кружил маму в кресле, танцевал с ней, всех целовал, обнимал, энергия, видно, была в нём ключом. Мне кажется, папа вообще жил «с апетитом», не припомню, чтобы он был в плохом настроении. Он много занимался со мной и моим двоюродным братом Борькой. В квартире был длинный коридор, посередине папа привинтил верёвочную лестницу, мы забирались по ней под самый потолок и прыгали оттуда. Соседи снизу были недовольны. Ещё мы качались на этой лестнице, как на качелях. Взрослым, понятно, это не очень нравилось. Я много времени проводила во дворе, дружила в основном с мальчишками. Папа сделал мне самокат на подшипниках, я на этом самокате обгоняла всех парней. Помню, как мы с папой катались на финских санях и с крутой горки на деревенских санях, была такая куча-мала.

Каждое лето мы уезжали в Сиверскую, в нескольких километрах от станции была деревенька, называлась на «З», там мы снимали дачу на всё лето, а папа приезжал к нам по выходным. Хозяйка поила нас парным молоком, разрешала лазать в саду на черёмуху, у нас вечно был полный рот черёмухи. На окраине села был большой луг, усеянный клевером, запах тот помню и сейчас. Мы любили валяться и играть на том лугу. Нашим любимым местом был колхозный сарай,

где стояли старые коляски. В них уже никто не ездил, и ребята разрешалось там играть. Я всегда дружила с деревенскими ребятами. Недалеко от дома был сосновый лесок, а за ним речка, там отец с его братом Сашей рыбачили и ловили раков. Дядя Саша приезжал тогда с тётей Липой, детей у них не было. И вот мы все вечером шли на эту речку, причём нужно было ловить раков в тишине, а мама с тётей Липой хохотали на всю округу. Мы ходили за ягодами и грибами, на вырубках было много земляники, в сосновых и еловых лесочках - море брусники, черники. У нас на зиму всегда стоял бочонок с брусникой и в дожде были грибы - солёные и сушёные. Мама рассказывала, что, когда я была совсем ма-

ленькой, они привязывали меня к дереву, делали своеобразную люльку, и я там спала, пока они наполняли свои корзины. Я до сих пор не могу остаться на зиму без грибов, хотя едим мы их мало.

Бабушка меня не очень любила, может, потому что не любила мою маму, считала, что она была отцу не пара. Они даже не были расписаны, расписались только незадолго до войны, хотя я была записана на фамилию папы. Мама расска-

зывала, что отец проснулся как-то ночью и сказал: «Томка, пойдём распишемся». Мама удивилась: с чего это вдруг? А он сказал: «Мало ли что...» Это был мирный 1940 год. 7 июня 1941 года родилась моя сестрёнка Танечка, а 22 июня началась война.

Я окончила первый класс отличницей, чем родители очень гордились, и меня отправили в пионерский лагерь. Как теперь я понимаю, надо было освободить маму перед родами: обычно мы уезжали летом на дачу, а тут меня впервые отправили одну. Я была такой наивной девчонкой, что даже не подозревала, что должна родиться сестрёнка, никто меня к этому не готовил. Из лагерной жизни я запомнила только один день, когда в лагере состоялся какой-

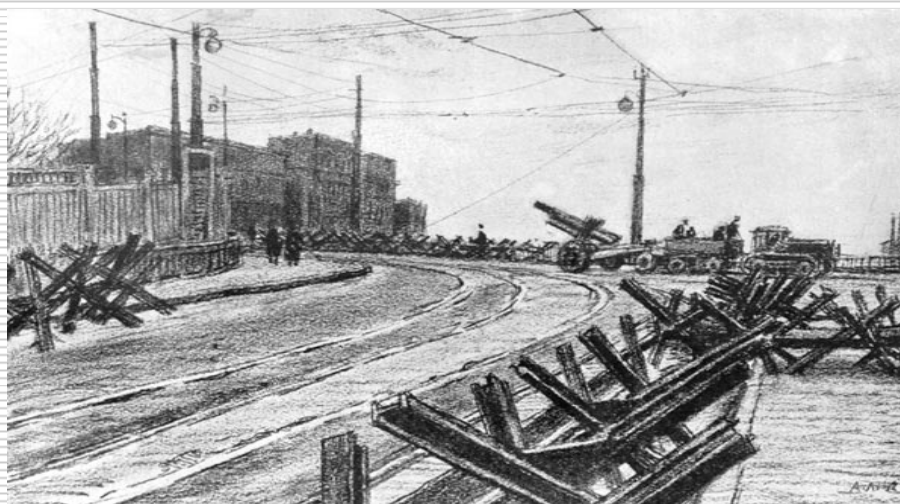
то митинг. Меня, как самую бойкую, заставили выступать. Я, совершенно ничего не понимая, читала по бумажке какой-то текст о начале войны. На следующий день нас увезли в Ленинград. Мама уже была дома с Танечкой, меня отправили снова в какой-то лагерь, в памяти всплывает, что там была берёзовая роща, и мы залезали на эти берёзки и спускались с них, как с парашютом. Потом нас снова привезли в Ленинград, папы уже дома не бы-

ло. Мама плакала, у отца была броня, но он пошёл на фронт добровольцем.

Блокаду я помню эпизодами, как во сне. Хорошо помню, как горели Бадаевские склады с продовольствием. Помню, что посередине комнаты появилась буржуйка, дрова наши хранились в подвале, так как до войны у нас было печное отопление. Мы сами их пилили, мама колола, вместе таскали на 6-й этаж, лифта в нашем доме тогда ещё не было.

Когда кончились дрова, жгли всё, что горело: мебель, книги, барахло. Каждую зиму до войны мама собирала сухари для нашей хозяйки дачи в Сиверской, на корм её скотине. Летом 1941 года сухари увезти не успели, они нас очень выручили в блокаду. Я ходила в интернат, директором которого была тётя Мура (Мария Михайловна Линсберг, старшая сестра моего папы), там нас немного подкармливали. У нас была девчонка, которая почему-то жевала передними зубами и очень долго ела. Мы своё проглатывали моментально, а она продолжала жевать. Мы её за это били. Что-то нам давали домой в маленьких баночках, я относила еду маме, ей нечем было кормить маленькую Танечку.

У тёти Муры была собака, все её очень любили. Однажды тётя Мура принесла нам мясо, мы его, конечно, съели, а когда я пришла к ней в гости, собаки не было. Я спросила, где она (не помню её клички), тётя Мура промолчала. Мама потом мне объяснила, откуда было мясо. Если бы мы знали это, вряд ли бы стали есть, несмотря на голод. Не помню, когда в нашей квартире, в маленькой комнате поселилась Зоя, моя двоюродная сестра. Перед войной она родила ребёнка. Сначала мама похоронила её ребёнка, кормить его было нечем. Потом похоронила и Зойку. Зойка выменяла какое-то барахло на хлеб и весь его съела, у неё случился заворот кишок. Мы зашли утром в её комнату, она была вся покрыта вшами, это было так страшно! Мама отвозила её на саночках. Воду мы тоже привозили на саночках, по-моему, из Обводного канала. Ещё я помню, что до войны мы любили играть на чердаке, там многие сушили бельё, нас гоняли оттуда, а мы прятались, когда играли в прятки. Там стояло много ящичков с песком. Сначала во время бомбёжек мы спускались в бомбоубежище, потом не всегда ста-

ли спускаться. Мы с мальчишками собирали зажигалки и бросали их в эти ящички с песком. Почему-то ничего не боялись, видимо, привыкли и к бомбёжкам, и к обстрелам и с интересом наблюдали за происходящим. Ещё я помню метроном по радио и Ольгу Берггольц, сейчас её подзабыли..

Однажды к нам пришёл знакомый, в это время начался обстрел или бомбёжка, Леонид Васильевич очень волновался. Мы его спросили, отчего он так волнуется, он же Финскую войну прошёл и сейчас с фронта вернулся (кстати, имел уже ордена Красной Звезды и Красного Знамени). А он сказал: «Здесь страшнее, чем на фронте, на фронте всё видно, а здесь непонятно, куда что летит». Мне это почему-то очень запомнилось. Он принёс нам какие-то продукты, и мы пили чай.

Вскоре после этого дня мы сидели в бомбоубежище, кто-то пришёл и сказал маме, что нас ищет отец. Я хорошо помню, как мы с мамой и маленькой сестрёнкой Танечкой, спотыкаясь, бежали на 6-й этаж. Папа вернулся из окружения. Это было такое счастье! Папа пробыл дома несколько дней, рассказывал, что в окружение они попали в тех лесах в Сиверской, которые он хорошо знал.

Они пришли в деревню к нашей хозяйке, и она их прятала, так они остались живы. 23 декабря 1941 года папа пошёл в военкомат, и больше мы его не виде-

ли. Если бы знать о том, что я больше никогда не увижу его! Папа до сих пор снится мне. Мама посылала запросы во все места, но отвечали одно и то же: «Пропал без вести». Мы, конечно, всё время ждали, надеясь на чудо. Но получилось так, что мама овдовела в 27. Больше она даже и не пыталась выйти замуж. В молодости я как-то не задумывалась, чего ей всё это стоило: похоронить и мужа, и дочку... Танечка умерла 1 марта 1942 года, за день до моего 10-летия.

...Во втором классе я, понятно, не училась, а потом подзабыла, как мы учились: часто менялись учителя и ученики: сначала в интернате, где директорствовала тётя Мура, потом в каких-то других местах. Были какие-то небольшие даже не классы, а группы, вроде меня всегда хвалили.

Не помню, чтобы мы плакали в блокаду, слёз не было. Мы как будто окаменели, никаких эмоций. Но почему-то никто не болел, несмотря на голод и неспособность. От голода умирали, а вот простуд, болей в сердце и других болезней у взрослых и детей я не вспоминаю. Это всё потом вернулось: и страх умереть, и простуды, и слёзы в таком изобилии, что, казалось, они никогда не кончатся.

Я очень хорошо помню День Победы, в тот день было очень тепло, отменили уроки, и мы, глупые, радовались не победе, а отмене уроков».

